

Мария Бушуева

Рецензия на сборник Валерия Ковшова «Свет внезапный».

– Кемерово, 1983. – 56 с. // Сибирские огни. – 1984. – № 6. – С. 170-171.

Во многих поэтических сборниках молодых авторов заметен явный перевес в стороны внешнего, а, как известно, даже внешняя красота, не подкреплённая красотой внутренней, – и у человека, и в стихах, – как бы сама себя отрицает, ибо ей, одной, никогда не подняться выше косметической красоты, которая не может быть лицом истины.

У Валерия Ковшова, к счастью видится обратное. Через некоторые внешние недостатки его стихов проступает душа, способная при напряжённом поэтическом поиске и духовной самодисциплине отразиться и во внешних чертах его стихов, придав им законченность и гармонию. Часто в первом сборнике поэт сам задаёт себе программу будущего развития. Первая книга – это вопросы и надежды, вопросы и желания, вопросы и устремления... Остановимся на вопросах. Вот что волнует Валерия Ковшова:

Что возвратишь ты мне, детство,
что не вернёшь никогда?
.....
Зачем этот мир, истекающий кровью людскою?
Зачем человек, истребляющий плод своих рук?
С надеждой какой книгу жизни я завтра раскрою?
.....
Зачем я жду рассвет далёкий?
зачем я жду начало дня?

Одно стихотворение так и названо «Вопрось»:
Преодолеем ли испуг
пред безграничностью Вселенной?
Сверкнула мысль во мгле нетленной –
мы вышли в изначальный круг.

Другая жизнь – другой закон
соприкоснулся с нашим телом.
На что надеется тайком
наш ум за видимым пределом?

Какое время там течёт?
Какое встретят измеренье
рассудка точность, и расчёт,
и сердца вечное движенье?

От детства своего до Космоса общечеловеческого – таков путь мысли каждого думающего человека – об этом и вопросы В. Ковшова. Теперь попробуем понять, приводя цитаты из разных стихотворений, чего ждёт от жизни и от себя молодой поэт:

Пробиться бы недремлющим умом

к пределам свежей ясности и силы,
вибрируя тоскующим крылом,
над скопищами радостей бескрылых!

.....
И, может быть, придут ко мне
из глубины души впервые
слова, стоящие на дне,
как будто рыбы золотые...

.....
Вниз по склону, к глубинам обрыва...
Там зовёт непокорный поток,
разрывая преграды бурливо,
убыстря движения ток.
Я отдам ему силу и волю,
и себя без остатка всего...

.....
Родник пробьётся – воздух прозвенит,
душа услышит – песня разольётся,
и чувств моих невидимая нить
к чужой душе невольно прикоснётся.

Приведены, конечно не все строки, раскрывающие для читателей авторские устремления. Он пишет и о том, что его «единственный выбор» «жизнь обновлять, очищая от праха и тлена», мечтает о том, что лес, «поднявшись в рост», перекинет мост в будущее... И этот лес (как аллегорический, так и реальный) действительно живёт в его стихах – вместе с полем, деревней, реками, в течении которых автору слышится «пульс родной стороны, убыстрённый движением турбин». И пульс родной стороны, его «убыстрённый темп», кажется, радует В. Ковшова и тревожит, – радует потому, что, чувствуя его, он осознаёт и себя частицей единого, общечеловеческого; тревожит потому, что природа для автора, выросшего в селе, знающего и любящего её, не декоративная отвлечённая редкость, – а именно то единое, всеобъемлющее, частицей чего он себя ощущает.

Ещё одно стихотворение хотелось бы привести целиком. Оно – о труде. О труде – физическом, но в первую очередь – о духовной сути труда. Видятся в этом стихотворении та глубина, без которой, например, озеро, если провести параллель, – не озеро, а просто ограниченная замкнутой линией плоскость, окрашенная в голубой цвет. Стихотворение называется «Рытьё колодца».

С чистым небом над чёрной спиной,
поклоняясь грядущему дню,
я копаю колодец – со мною
столб пространства идёт в глубину.

Глубже свет – выше холм в отдаленье,
где тускнеет надежды руда,
где внезапно сверкнёт утоленьё
человеческой жажды труда.

Куда пойдёт автор дальше? Обойдёмся без прогнозов, как туманно-интригующих, так и ошибочно-чётких. Вернусь ещё, делая круг, к внешнему и внутреннему в стихах. Пока всё, что говорилось, – о последнем (при всей видимой условности таких разделений). К сожалению, обращаясь к внешнему – можно увидеть неточности, шероховатости, общие места, неудачные рифмы... Например, в стихотворении об июне звезды сравниваются с мерцающими свечами. Верность классическим традициям – это одно, а использование набора многократно использовавшихся тропов – другое... Или ещё пример неловкого построения, как поэтического, так и стилистического:

Я там своё детство встречал
и верил, наверно, оттуда,
что боль и о прошлом печаль
придумали взрослые люди.

Но при всех недочётах первой книги видится в стихах Валерия Ковшова главное – чувствующая душа, поэзия для которой не есть внешнее, но есть она сама, и, как ребёнок, если его развитие идёт правильно, овладевает речью, так и человек, наделённый от природы такой душой, – если и его развитие идёт правильно, – становится поэтом. Обнадёживает ещё и то, кроме всего сказанного, что, как пишется в предисловии к сборнику: «мир в его подробностях не стал – и, надеюсь, уже не станет для Валерия Ковшова только суммой разнообразных поводов для высказывания, но стал – и, надеюсь, останется – сутью и душой его творчества».